

Е. М. Смирнова

**Песенная культура кряшен Предкамья:
Тюлячинский район Республики Татарстан**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению музыкально-поэтического фольклора кряшен Предкамья, расселённых на территории Тюлячинского района Республики Татарстан. Редкая степень сохранности песенного комплекса тюлячинских кряшен даёт возможность составить представление об архаичном слое кряшенского интонирования и становится основанием для постановки проблемы о наличии в песенной культуре кряшен общего додиалектного слоя, соседствующего с более поздними — уже индивидуальными для культуры каждой из кряшенских локальных групп — интонационными напластованиями. Материалом изучения служат напевы, зафиксированные в фольклорной экспедиции Казанской государственной консерватории 2017 года.

Ключевые слова: татарский фольклор, фольклор, народная песня, кряшены, интонационные особенности, стилиевые пласты.

Е. М. Smirnova

**Kama Region Kryashen song culture:
Tyulyachinsky district of the Republic of Tatarstan**

Summary

Familiarity with the song culture of the Kryashens living in the territory of the Tyulyachinsky district of the Republic of Tatarstan makes it possible to get an idea of the still unexplored ethno-territorial component of the stylistically multicomponent Kryashen musical and poetic culture. The analysis of the sound-pitch and rhythmic parameters of the song samples becomes the basis for the characterization of the song tradition of the Tyulyachinsky district Kryashens as an original, intonation-specific phenomenon, characterized by a rare degree of preservation. The latter allows us to outline approaches to the stadial differentiation of the dialect strata of the tradition, as well as the Kryashen song culture as a whole.

Keywords: Tatar folklore, folklore, folk song, the Kryashens, intonational features, stylistic strata.

Рассмотрение музыкально-поэтической культуры кряшен¹ как самобытного феномена, отличного от песенной культуры иных этноконфессиональных групп татар, ведёт свою историю с 1982 года — времени появления исследования М. Нигмедзянова, где татарская песенность впервые была представлена как этнически и конфессионально дифференцированное явление [См.: 14]. За без малого сорокалетие, прошедшее с того времени, в деле изучения кряшенской песенности сделано немало². Однако изученность вопроса трудно считать исчерпывающей. Дисперсное расселение кряшен обуславливает факт стилиевой неоднородности их локально-территориальных традиций. Не случайно каждая из существующих работ как исследовательского, так и нотографического характера (за исключением разве что работ М. Нигмедзянова) посвящены не фронтальному изучению кряшенской культуры, но изучению одного из её локально-территориальных составляющих. Учитывая их многосоставность, становится понятным, что продолжение исследований в данном направлении далеко от завершения, продолжая оставаться актуальным по сей день.

Настоящая статья посвящена рассмотрению музыкально-поэтического фольклора кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан. Данная территория является местом расселения примешинской и прикамской подгрупп кряшен, которые, в свою очередь, являются составляющими предкамской группы³. Музыкально-диалектологический подход, положенный в основу статьи, даёт возможность увидеть целостность и самобытность выделенной для изучения традиции, ощутить её стиливое своеобразие, не заслонённое и не «растворённое» иными кряшенскими песенными диалектами. Добавим, что до сих пор песенная традиция кряшен Тюлячинского района Татарстана в поле внимания этномузыкологов не попадала.

Материалом изучения в работе являются записи, собранные в фольклорной экспедиции 2017 года, организованной кабинетом музыки народов Поволжья Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова. Всего обследовано шесть населённых пунктов: деревни Субаш, Тямти, Старый Карабаян, Верхние Меретьяки, Петровский, Алга; зафиксировано 103 песенных образца и 20 репортажей.

Говоря о песенной традиции тюлячинских кряшен, следует отметить её прекрасное состояние. Сказанное определяется не столько количеством сохранившегося материала, сколько его качеством. Последнее, безусловно, заслуживает специального внимания.

В жанровом отношении песенный комплекс кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан вполне соответствует «стандартам» кряшенской культуры. В традиции бытуют песни приуроченные — свадебные, гостевые, рекрутские, и неприуроченные — лирические, игровые и плясовые. Преобладающими являются гостевые песни, что вполне ожидаемо: гостевой ритуал у кряшен развит, укоренён и востребован вплоть до настоящего времени.

Поэтические тексты песен также вполне соответствуют сложившимся представлениям о кряшенской культуре. Это касается их содержательного и образного строя, композиционной специфики, определяемой известной автономностью полустроф и строф, наличием устойчивых сегментов текста — поэтических формул разного объёма, мигрирующих из одного текста в другой. «Номенклатура» формул представляет интерес, попытка их обозначить даёт возможность составить представление не только о рассматриваемой локальной традиции, но и кряшенской песенности в целом, поскольку в общекряшенском контексте бытующие у тюлячинских кряшен поэтические клише оказываются далеко не эксклюзивными. Оставляя эту задачу для специального исследова-

дования, приведём некоторые из популярных в традиции «общих мест» в объёме строфы⁴:

Ничеккэй килдегез, айлар сез безгә,
Ай, батмаенча ла кара эле дингезгә?
Кадерле кунаклар, айлар сез безгә,
Ай, ней сый хөрмәтләр дей биреем дей мин сезгә?
Как вы добрались до нас,
Ай, не утонув в чёрном море?
Вы для нас дорогие гости,
Ай, какой уважение вам оказать?⁵
(«Ничеккэй килдегез, айлар, сез безгә?»⁶)

Безнең өстәлләргә шулар килешә,
Ай, чүпләп кенә дей суккан эле ашъяулык.
Ашагыз, эчегез, сез дей кодалар,
Әй, ололардан калган дей ашамнык.
Нашим столам подходят
Ай, вытканнные вручную скатерти.
Кушайте, пейте, сватъя,
Эй, это та еда, что осталась от старших.
(«Безнең өстәлләргә шулар килешә, ай, чүпләп
кенә дей суккан эле ашъяулык»⁷)

Шыбыр гына, шыбыр дей жаңгыр жава,
Жөгөреек каеннар астына.
Ашадык тей, эчтек тей,
Башырыек аяк эле астына.
Шыбыр, шыбыр – идет дождь,
Давайте побежим под берёзы.
Мы пели, попили,
Давайте поклонимся в ноги.
(«Шыбыр гына, шыбыр дей жаңгыр жауа»⁸)

Әй, туганнар, сез килдегез,
Исэнләшә белдегез.
Мәкнең алсу чәчәге лә күк
Күземә лә күрендегез.
Ай, родные, вы пришли,
Сумели поздороваться.
Как цветы мака
Я вижу вас в своих глазах.
(«Әй, туганнар, сез килдегез»⁹)

Алай итеш булмасын,
Болай итеш булмасын.
Монда булган, монда калсын,
Гаеп итеш булмасын.
Пусть так не будет,
Пусть вот так не будет.
Всё, что здесь было, пусть останется здесь,
Пусть никто не обижаётся.
(«Алай итеш булмасын»¹⁰)

Алай итеш булмасын,
Болай итеш булмасын.
Монда булган, монда калсын,
Гаеп итеш булмасын.
Мама, если твой суп сварится,
Соберётся вся семья.
Если они будут, а я – нет,
Твоё настроение будет плохим.
(«Житеннәр чәчтем бакчага»¹¹)

Ай, дусларым, сезнең белән
Күтәрәнке күңелләр шул,
Күтәрәнке күңелләр шул.
Үтсен безнең гүмерләр.
Ай, друзья мои, вместе с вами
Всегда хорошее настроение.
Пусть вот так, с хорошим настроением,
Проходит наша жизнь.
(«Ай, дусларым, сезгә әйтәм»¹²)

Уйнасак та, жырласак та,
Гармун кулларыбызда шул.
Ал су гөлләр чәчәк атсын,
Йөргән кулларыгызда.
Даже если будем играть и петь,
Гармонь у нас в руках.
Пусть розовые цветы распускаются
На дорогах, по которым вы ходили.
(«Уйнасак та, жырласак та»¹³)

Фактором, выделяющим песенность кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан из общекряшенского контекста, является музыкальное составляющее песенных образцов.

Любая кряшенская (и, шире, татарская) музыкально-поэтическая традиция включает в себя два разностадиальных и разностилевых пласта: пласт архаичный, этнически характерный, и пласт поздний, наддиалектный (общетатарский)¹⁴. Происхождение последнего связывают с казанско-татарской культурой и датируют рубежом XIX—XX веков. Количественное соотношение этнического и наддиалектного материала в каждой из татароязычных традиций складывается по-разному; общей тенденцией является уменьшение первого и увеличение второго: общетатарский материал постепенно вытесняет песенную архаику — так, что в некоторых случаях сегодня приходится говорить о практически полной утрате этнического

компонента (подобное произошло, например, в песенной культуре дрожжановских мишарей).

Ситуация, сложившаяся в традиции тюлячинских кряшен, в обозначенную тенденцию не вписывается: соотношение разностадиальных пластов здесь явно складывается в пользу этнически характерного. Образцов общетатарского распространения бытует относительно немного; это тем более примечательно, что в экспедиции фиксировалось всё, что исполняли информанты.

Песенность кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан необычна своей самобытностью, интонационной специфичностью, выделяющей её на фоне иных кряшенских диалектов. Назовём некоторые характерные константы, определяющие интонационный облик традиции.

Рассмотрим песню «Түгэрэк күллэрне лә миннәр болгаттым» (см. пример 1).

музыки тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья», автор которой придерживается сходной точки зрения [8]. Между тем в напеве «Түгэрэк күллэрне лә миннәр болгаттым» стержневыми и наиболее выразительными оказываются не поступенные трихордовые, а квартовые звукосопряжения. Звучащие жёстко и архаично, мелодические ходы на кварту предстают в разных модификациях: как восходящие или же сдвоенные — в виде сцепления двух однонаправленных по направлению движения восходящих кварт, отталкивающихся от соседних, находящихся в секундовом соотношении, ступеней. Тоны, складывающиеся в квартовые ходы, в одних случаях интонируются в момент произнесения слога поэтического текста (т. е. являются элементами остова напева), в других случаях участвуют в образовании мелодического распева.

1¹⁵

«Түгэрэк күллэрне лә миннәр болгаттым»¹⁶

1. Тү_ гә_ рәк_ кү_ ллә_ рне лә_ ми_ ннәр_ бо_ лга_ ттым,

эй, а_ лтын_ ба_ л(ы)_ да_ кка_ е_ мны ла жу_ га_ лттым...

Её напев совершенно не соответствует сложившимся представлениям о напевах татар Волго-Камья. Как известно, мелодический строй татарских напевов (вне зависимости от их этнической принадлежности) принято связывать с поступенным движением по трихордовым ангемитонным звукорядным сегментам: «для пентатоники [имеется ввиду пентатоника татарских напевов. — Е. С.] характерно движение по соседним ступеням, сопровождающееся образованием небольших мелодических ячеек, состоящих из соседних ... звуков» [9. С. 83]. Сформулированное Я. Гиршманом в 1960 году, данное положение остаётся актуальным и сегодня — см., в частности, монографическое исследование Л. Бражник «Ангемитоника в модальных и тональных системах: На примере

Квартовая интонация в напевах тюлячинских кряшен является «общим местом»; знакомство с каждым новым песенным образцом, бытующим в традиции, служит тому подтверждением. Конструктивные варианты квартовых звукосопряжений при этом существенно увеличиваются — например, за счёт оборотов, в которых происходит возвращение к исходному перед квартовым ходом звуку, или последования двух однонаправленных по направлению движения кварт (см. примеры 2–6). Интересной и несколько непривычной по звучанию формой преломления данной интонационной идеи является начало песни «Безнең өстәлләргә шулар килешә, ай, чүпләп кенә дей суккан әле ашъяулык», где два восходящих хода на кварту сменяются тем же ходом в обращении (см. пример 3).

2 «Түбән очлардан дей бер атлар килә»¹⁷

$\text{♩} = 150$

g

1. Тү бөн о чла рдан дей бер а тлар ки лә,
 әй, ду га ла ры ннан бе ек ә ле ба шла ры..

3 «Безнең өстәлләргә шулар килешә, ай, чүпләп кенә дей суккан әле ашъяулык»¹⁸

$\text{♩} = 140$

b

1. Бе знең ө стә ллә р г ә(й) шу ла р ки ле шә,
 әй, чү п(е) ләп ке нә су ккан ә ле а шъя улык..

4 «Жөгөрә, жөгөрә синнәр жөрисең»¹⁹

$\text{♩} = 112$

g

1. Жө гө рә, жө гө рә си ннә р жө ри й сең.
 Әй, ә ллә жи лә кө йлә р гә ба рды цмы?

5 «Ишекләрдән керү белән карадым түрегезгә, шул»²⁰

$\text{♩} = 58$

g

1. И ше клә р(е) дән ке ре ү бе лән
 ка ра дым тү ре ге згә, шул.
 И ше к(е) лә р(е) дән ре ү бе лән
 ка ра дым тү ре ге згә.

«Ай, какаем, какаем»²¹

6
а)

es! $\text{♩} = 46$

1. Ай, ка ка ем, ка ка ем,
чу ма сы н да ка лка сың.

б)

as $\text{♩} = 60$

2. Ак бу лсын да, күк бу лсын,
ка лжа ла рын и ре тү ра,
жә ре нгә каз күб бу лсын.

Обратим внимание на то, что все приведённые в примерах напевы принадлежат приуроченным — обрядовым (в данном случае, свадебно-гостевым) песням. Действительно, в напевах обрядовых песен рассматриваемая интонационная особенность проявляется в наиболее концентрированном виде. Важно, однако, что квартовая интонация находит преломление в напевах не только обрядовых, но практически всех жанров — даже если характерно-диалектные обороты предстают в них в более рассредоточенном виде.

Ещё одной яркой особенностью интонационного строя напевов, бытующих в традиции тюлячинских кряшен, является наличие в песенных мелодиях легко выделяемого слухом конструктивного стержня, в качестве которого выступает трезвучный или квартсекстаккордовый комплекс. Сразу же следует сказать, что термины «трезвучие» и «квартсекстаккорд» здесь используются исключительно в структурно-интервальной значении и ни в коей мере не означают наличия в напевах гармонической логики — напевы, безусловно, сохраняют монодическую природу. Так,

в мелодии песни «Ишеклардән кереү белән карадым түрегезгә, шул» пентатонный лад d ($d - e - g - a - h$) раскрывается преимущественным мелодическим движением по тонам, складывающимся в опирающееся на ладовый устой квартсекстаккорд. Его остов несколько вуалируется лишь двумя не входящими в него тонами e и a , которые эпизодически появляются преимущественно с тем, чтобы в паре друг с другом сформировать уже знакомый ход на восходящую кварту. Эффектно начало четвёртой строки, где мелодия движется по тонам $h - g - d$, очерчивая ничем не вуалируемый мажорный квартсекстаккорд (см. пример 5).

Сходная мелодическая ситуация представлена в напеве песни «Шыбыр гына, шыбыр дей жаңгыр жауа» (см. пример 7): легко выделяемый слухом остов мажорного трезвучия, дополненный знакомыми тонами e и a , — всё это в точности повторяет рассмотренный интонационный сюжет. Единственным отличием в данном случае становится большая востребованность тона e .

И, наконец, ещё один пример — напев песни «Жырлык әле күб итеп», примечательный

7

«Шыбыр гына, шыбыр дей жаңгыр жауа»²²

1. Шы_быр гы_на, шы_быр де_й жа_ң_гыр жа_уа,
 жо_го ре_ек ка_е_ннар а_сты_на(й)..

The score is in 14/8 time, marked $\text{♩} = 180$. It features a melody in the upper voice and a supporting line in the lower voice. The key signature is one flat (B-flat). The melody consists of eighth and sixteenth notes, with some triplet-like patterns. The lower voice provides a steady accompaniment with eighth notes. The piece ends with a fermata over the final note.

жёсткой «привязкой» к мажорному квартсекстаккорду; квартсекстаккордовая комбинация стержневых тонов здесь инспирирована ладовым контекстом, каковым служит лад *d* (см. пример 8).

В качестве следующей стилевой константы напевов, бытующих в традиции кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан, можно назвать устойчивый интонационный оборот, складывающийся из тонов *d*, *e*, *g*, *a*. Встречается он большей частью в напевах, разворачивающихся в условиях лада *d* (этот лад в песнях тюлячинских кряшен имеет преимущество распространение). Порядок

последования названных тонов может быть различным (см. примеры 9–14), различной может быть и композиционное положение собранных их этих тонов попевок. Все они, однако, легко узнаваемы как интонационно родственные — в немалой степени благодаря специфическому колориту звучания. Показателен напев песни «Шыбыр дей, шыбыр дей жаңгырлар жауа» (см. пример 11): разворачивающийся в ладу *a*, он оказывается тотально соткан из рассматриваемых интонационных оборотов (в условиях данного лада они занимают две высотные позиции — на тоне *a* и на тоне *d*).

8

«Жырлыкъ әле күб итеп»²³

1. Жы_р_лы_(һы)_йк_ә_ле күб и_теп, шу_л(ы),
 бе_р(е)_гә бу_лга_н(ы) ва_кы_т(ы)_ла_р(ы)_ны_ла,
 о_но_та_(я) а_л(ы)_ма_с(ы)... лык и_теп.

The score is in 4/4 time, marked $\text{♩} = 54$. It features a melody in the upper voice and a supporting line in the lower voice. The key signature is one flat (B-flat). The melody consists of eighth and sixteenth notes, with some triplet-like patterns. The lower voice provides a steady accompaniment with eighth notes. The piece ends with a fermata over the final note.

9

«Ай, дусларым, сезгә әйтәм»²⁴

mf $\bullet = 45$

1. А_й, ду_с(ы)_ла_ (һа)_ры_м(а), се_зне_ң(е) бе_(е)_лә_ң(е)
кү_(һү)_тә_ре_ң(е)_ке кү_(һү)_не_л(е)_лә_р(е), шу_л(ы),..

10

«Агыйделнең параходы»²⁵

g $\bullet = 57$

1. А_г_и_й_де_л_не_ң па_ра_хо_ды
жи_та_л_мый_кы_зыл_я_р_га, шу_л,
жи_та_л(ы)_мый_кы_зы_л(ы)_я_рга.

11

«Шыбыр дей, шыбыр дей жаңгырлар жауа»²⁶

g $\bullet = 190$

1. Шы_бы_р(ы) дей, шы_бы_р(ы) де_й – жа_ңгы_р(ы)_лар жа_уа,
ай, жө_гө_ре_ше_ек ка_е_ннар дый а_сты_на.

12 «Суда балык, йөзәдер»²⁷

a $\text{♩} = 135$

1. Су_ да ба_ лык, йо_ зә дер лә,
су са_ лкы_ ның си_ зә дер, а_ й, си_ зә дер.

13 «Жырлыык әле, барыбыз бергә чакта»²⁸

a $\text{♩} = 100$

1. Жы_ рлыык (һ)ә_ ле, жы_ рлыык (һ)ә_ ле,
ба_ ры_ быз бе_ ргә ча_ кта...

14 «Алсуланып кояш чыга таң аткач»²⁹

g $\text{♩} = 92$

1. А_ лсу_ ла_ нып ко_ яш чы_ га таң а_ ткач.
Са_ гы_ ны_ рга ту_ ры ки_ лә я_ ра_ ткач.

Рассматриваемая интонационная особенность нередко преломляется в форме последования двух квартовых ходов, отгалкивающих от соседних ступеней; именно в таком виде она предстаёт в напевах песен, представленных в примерах 1–6. Вообще все отмеченные диалектные черты в напевах тюлячинских кряшен могут проявлять себя сообща, в различных комбинациях друг с другом — так, что одна предстаёт как средство реализации другой. Так, в песне «Ишекләрдән керәү белән карадым түрегезгә, шул» (см. пример 5) все диалектообразующие факторы (квартовые звукосопряжения, конструктивная значимость структуры мажорного квартсекстаккорда, строительство попевок из тонов, укладывающихся в ангемитонный тетрахорд *d, e, g, a*) действуют одновременно. Следует сказать, однако, что такое «единодушное» в проявлении диалектных интонационных признаков в песнях тюличинских кряшен всё же встречается не так часто.

Перечень стиливых констант, определяющих интонационную специфику песен кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан, может быть продолжен; уже отмеченных, однако, достаточно для того, чтобы считать рассматриваемую традицию стилистически цельной и яркой. Наиболее последовательное их преломление в приуроченных (обрядовых, и прежде всего, свадебно-гостевых) напевах заставляет видеть в последних приметы архаичного слоя кряшенской интонационности, инспирируя дифференцированное восприятие этнического кряшенского материала. Данная проблема до сих пор не ставилась; её масштабность требует специальных развёрнутых исследований. Всё же представляется возможным взять на себя смелость и высказать некоторые наблюдения, способные подтвердить гипотезу о существовании в рамках этнически характерного пласта кряшенской песенности специфического архаичного компонента.

Такого рода наблюдения, на наш взгляд, касаются до сих пор не отмеченных в исследовательской литературе интонационных пересечений, наблюдаемых между напевами кряшен различных этно-территориальных групп. Ниже приводятся напевы молькеевских и чистопольских кряшен, принадлежащих разным этническим подгруппам и расселённых на достаточном расстоянии друг от друга (молькеевские кряшены проживают в Кайбицком районе Республики Татарстан, чистопольские кряшены — на левом берегу Камы, в Чистопольском,

Алексеевском и Новошешминском районах Республики Татарстан). Их песенные комплексы отличаются легко уловимым стилевым своеобразием (см. об этом: [1; 18]), и в то же время в каждом из них присутствует определённый корпус образцов, удивительным образом сходных в интонационном отношении. Сходство этих образцов обуславливается преломлением всё тех же интонационных параметров, которые выше были представлены в качестве диалектно характерных для традиции тюлячинских кряшен (см. примеры 15–17).

15

«Әрәхмәт сезлә, тау сезләй» [4. С. 191. № 5]

$\text{♩} = 84$
 f
 Ә_ рәх_ мәт сез_ гә_ лә, әй, сез_ гә_ й
 ма_ ды_ ян_ нар бе_ лән дәй бал сез_ гә_ й.
³
 Ма_ ды_ ян, ма_ ды_ ян, ай, бет_ мө_ сен,
 ба_ шы_ гыз_ дан дәү_ ләг_ ләр кит_ мө_ сен.

16

«Узайык урамнар без буенчый» [18. № 6]

$\text{♩} = 97$
 1. У_ за_ йык у_ ра_ мнар без бу_ е_ нчый,
 кү_ рсе_ ннәр кү_ злә_ ре, (ә) ай, ту_ йга_ нчы.

17

«Каенның башларын ямыле итә яфрагы белән лә туз гына» [18. № 7]

$\text{♩} = 130$
 b
 1. Ка_ е_ нның ба_ шла_ рын я_ мыле и_ тә,
 я_ ф(ы)_ ра_ (гы) бе_ лән лә туз гы_ на.

Думается, это свидетельствует о наличии в каждой из выделенных традиций (выбранных случайно — на их месте могла быть любая другая локальная традиция кряшен!) общего наддиалектного (или, если можно так сказать, ДОдиалектного) слоя, соседствующего с более поздними — уже индивидуальными для культуры каждой из кряшенских этнотерриториальных групп — интонационными напластованиями. Помимо прочего, это позволяет говорить о редкой — уникальной! — степени сохранности песенного комплекса тюлячинских кряшен, в полной мере дающего возможность составить представление об архаичном слое кряшенского интонирования.

Представление о стилевых особенностях музыкально-поэтической традиции кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан будет неполным без характеристики (хотя бы краткой) слогоритмического составляющего песенных напевов. Широко распространённые у татар разных этнических групп (и прежде всего в рамках позднего пласта общетатарского бытования) равнослоговые и производные от них короткие (*кыска*) и длинные (*озын*) долготные формы, организующие ритмический строй песен и тюлячинских кряшен в том числе, оставим в стороне. Интерес представляют формы диалектно значимые; такие, действительно, в напевах рассматриваемой традиции существуют.

Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с диалектно выделенными долготными рисунками песенных напевов, бытующими в традиции кряшен Тюлячинского района Республики Татарстан, это их избирательность. Таких рисунков не просто не много, но совсем не много (чтобы не сказать мало)³⁰; это заставляет вспомнить избирательность, определяющую выбор выразительных средств при звуковысотном строительстве напевов (см. слогоритм. схемы 1–6).

(«Түгәрәк күлләрне лә миннәр болгаттым»³¹, «Ничеккәй килдегез, айлар, сез безгә?»³², «Түбән очлардан дей бер атлар килә»³³, «Безнең өстәлләргә дей шулар килешә, әй чүпләп кенә дей суккан әле ашъяулык»³⁴, «Жөгөрә, жөгөрә синнәр жөрисең»³⁵, «Биеккәй тауларның иләр башында»³⁶, «Безнең этекәйнең, әйләр, атлары»³⁷, «Шыбыр дей, шыбыр дей — жаңгырлар жауа»³⁸).

(«Жырлашып ла, жырлашып без карыек»³⁹, «Безнең өстәлләргә дей шул килешә, чүпләп кенә суккан әле ашъяулык»⁴⁰, «Жырлашык та ла дей, гөрләшеек»⁴¹, «Кара сьерларның дей сөтен саудым»⁴², «Шыбыр гына, шыбыр дей, жаңгыр жауа»⁴³, «Сад бакчалары ла тотар өчен»⁴⁴, «Жырларга дей кушсагыз, без жырларбыз»⁴⁵)

(«Виноград әче була»⁴⁶, «Суда балык йөзәдер шул»⁴⁷, «Суда балык йөзәдер лә»⁴⁸)

(«Жырлап ла, жырлап без карыек»⁴⁹)

(«Сагыныплар килдек әле, ай, без сезне»⁵⁰)

(«Байның кибәннәре янган»⁵¹)

Как видно из приведённых слогоритмических схем, степень их востребованности в традиции различна, причём существенно различна. Наиболее частотное появление долготных форм под номерами 1 и 2, все остальные встречаются однократно (двукратно). Формы 1 и 2 «обслуживают» приуроченные архаичные свадебно-гостевые напевы (что представляется вполне ожидаемым!), остальные «привязаны» к лирике. Формы 3 и 6 встречаются не только

в напевах тетюшской мордвы — они широко бытуют в напевах кряшен иных этнотерриториальных групп. Формы 1, 2, 4 и 5 являются менее распространёнными, при этом три последние в исследовательских публикациях, посвящённых кряшенской песенности, до сих пор не фигурировали.

Слогоритмические клише, организующие временной строй песен кряшен Тетюшского района Республики Татарстан, заслуживают отдельного исследования. Аспекты возможного рассмотрения многообразны; интересными, в частности, видятся исследования сравнительного характера, дающие возможность определить генезис и ареал бытования выделенных долготных форм. Такого рода исследования вряд ли могут быть осуществлены в рамках настоящей работы; хотелось бы надеяться, что последняя послужит стимулом для них — так же, как для многоаспектного и пристального изучения песенной традиции тюлячинских кряшен в целом.

Примечания

- ¹ Кряшены (крещёные татары) — татароязычная этноконфессиональная общность, не имеющая «сплошной территории» и локально расселённая в Волго-Камье и Приуралье (в Республиках Татарстан, Башкортостан, Удмуртии, Чувашии), в Кировской и Челябинской областях, компактные группы кряшен проживают в различных городах России.
- ² Безусловный приоритет в данной области принадлежит Н. Альмеевой, автору диссертационного исследования «Песенная культура татар-кряшен: Жанровая система и многоголосие» (см.: [1]) и последовавших вслед за ним многочисленных статей, разноаспектно раскрывающих избранный для исследования феномен (см.: [2; 3; 4; 5; 6; 7]). Значимым явлением в изучении традиционной песенности кряшен стала диссертационная работа Э. Камаловой «Песенная традиция закамских татар-кряшен: вопросы звуковысотной организации», предметом специального рассмотрения которой избраны вопросы теоретического характера — особенности ладовой, фактурной организации кряшенских напевов, специфика их вариантообразования и пр. (см.: [11]). Следует сказать и о существовании нотографических источников, дающих возможность познакомиться с бытующими у кряшен песенными комплексами. Наиболее ранними в их ряду являются публикации М. Нигмедзянова и Р. Исхаковой-Вамбы, где напевы кряшен впервые представлены «на равных» с напевами татар иных субэтнических групп (см.: [13; 15; 19; 10]); в последнем песенности кряшен посвящён отдельный раздел. Появление первой публикации кряшенских песен монографического характера датируется 2007 годом: именно в это время был издан песенный сборник Н. Альмеевой, посвящённый традиции пестречинских кряшен (см.: [16]). Спустя пять лет появляется публикация этого же автора, представляющего музыкально-поэтическую традицию ещё одной локальной группы кряшен — молькеевских (см.: [17]). Наконец, следует назвать сборник музыкально-поэтических образцов кряшенской песенности, подготовленный Э. Камаловой (см.: [11. Раздел Приложение I]).
- ³ Ареал расселения предкамских кряшен охватывает Лаишевский, Рыбно-Слободский,

- Пестречинский, Мамадышский, Высокогорский, Кукморский, Балтасинский и др. районы Республики Татарстан (ранее — Мамадышский, Лаишевский, Казанский уезды Казанской губернии и южная часть Малмыжского уезда Вятской губернии).
- ⁴ Вместе с тем у тюлячинских крышен зафиксировано немало песенных образцов с поэтическими текстами, в нотографических источниках не фигурирующими и нестандартными; чрезвычайно интересно, в частности, поэтическое составляющее песни «Шәкүр карак — данлы карак»: нарратив крышенской культуры не свойственен, так что рассказ об «известном воре» по имени Шакур предстаёт несколько неожиданным и заставляет вспомнить мишарскую повествовательную лирику (её такие, например, образцы, как «Абдельман купич», «Усман Паша» и др.).
- ⁵ Здесь и далее повторы строк (поэтических и музыкальных) не выписываются.
- ⁶ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Васильевой Анны Лазаровны, 1951 г. р., Кузьминой Анны Петровны, 1948 г. р., Бадьячевой Анны Петровны, 1942 г. р., Павловой Зои Ивановны, 1952 г. р., Семёновой Елены Петровны, 1975 г. р., Ивановой Марии Ильиничны, 1975 г. р., Мироновой Веры Ивановны, 1964 г. р., Петровой Лидии Ильиничны, 1971 г. р., Романовой Татьяны Алексеевны, 1969 г. р., Капитоновой Марии Николаевны, 1953 г. р., Миронова Владимира Леонтьевича, 1959 г. р., Чернова Петра Александровича, 1961 г. р.
- ⁷ Зап. в июне 2017 года в д. Тямти Тюлячинского района Республики Татарстан от Ивановой Марии Степановны, 1939 г. р.
- ⁸ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Максимовой Ксении Александровны, 1933 г. р.
- ⁹ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Васильевой Анны Лазаровны, 1951 г. р., Кузьминой Анны Петровны, 1948 г. р., Бадьячевой Анны Петровны, 1942 г. р., Павловой Зои Ивановны, 1952 г. р., Семёновой Елены Петровны, 1975 г. р., Ивановой Марии Ильиничны, 1975 г. р., Мироновой Веры Ивановны, 1964 г. р., Петровой Лидии Ильиничны, 1971 г. р., Романовой Татьяны Алексеевны, 1969 г. р., Капитоновой Марии Николаевны, 1953 г. р., Миронова Владимира Леонтьевича, 1959 г. р., Чернова Петра Александровича, 1961 г. р.
- ¹⁰ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Максимовой Ксении Александровны, 1933 г. р., Павловой Зои Ивановны, 1952 г. р.
- ¹¹ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Максимовой Ксении Александровны, 1933 г. р.
- ¹² Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретьки Тюлячинского района Республики от Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- ¹³ Зап. в июне 2017 года в д. Старый Карабаян Тюлячинского района Республики Татарстан от Киселёвой Дарьи Ивановны, 1954 г. р., Демидовой Анны Петровны, 1949 г. р., Демидовой Марии Михайловны, 1939 г. р., Воробьёвой Валентины Максимовны, 1955 г. р.
- ¹⁴ Традиции татар-мусульман (казанских татар и мишарей), помимо названных, включает в себя также наддиалектный исламский песенный пласт, представленный комплексом жанров *көйлән уку* (напевного чтения) — байтами (*байтлар*), мунаджатами (*мөнәҗәтләр*), книжным пением (*китап көйләү*).
- ¹⁵ Приведённые в примерах напевы транспонированы в условия конвенциональной пентатонной звукорядной шкалой; это делает более наглядными как ладомелодические соответствия, так и различия, возникающие между различными образцами. Под конвенциональным пентатонным звукорядом (понятие предложено М. Кондратьевым — см.: [12. С. 17–20]) понимается применяемая для аналитических целей звукорядная шкала условной абсолютной высоты, открытая вверх и вниз: «... G – A – H – d – e – g – a – h – d¹ – e¹ – g¹ – a¹ – h¹ – d² – e² – g²...» [12. С. 18]. Использование конвенциональной пентатонной звукорядной шкалы определяет возможность наименования пентатонных звукорядов по опорному тону, когда звукорядная форма *тон-тон-полтора тона-тон* (2232) обозначается как лад/звукоряд *g*, форма *полтора тона-тон-тон-полтора тона* (3223) — как лад/звукоряд *e*, форма *тон-полтора тона-тон-тон* (2322) — как лад/звукоряд *d*, и т. п. (см.: [12]). Исходная высотная позиция напева при этом фиксируется буквенными обозначениями, показывающими положение замыкающего напев тона.
- ¹⁶ Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретьки Тюлячинского района Республи-

- ки Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 17 Зап. в июне 2017 года в д. Тямти Тюлячинского района Республики Татарстан от Ивановой Марии Степановны, 1939 г. р.
- 18 Зап. в июне 2017 года в д. Тямти Тюлячинского района Республики Татарстан от Ивановой Марии Степановны, 1939 г. р.
- 19 Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 20 Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 21 Зап. в июне 2017 года в д. Тямти Тюлячинского района Республики Татарстан от Ивановой Марии Степановны, 1939 г. р.
- 22 Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Максимовой Ксении Александровны, 1933 г. р.
- 23 Зап. в июне 2017 года в д. Старый Карабаян Тюлячинского района Республики Татарстан от Киселёвой Дарьи Ивановны, 1954 г. р., Демидовой Анны Петровны, 1949 г. р., Демидовой Марии Михайловны, 1939 г. р., Воробьёвой Валентины Максимовны, 1955 г. р.
- 24 Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретяки Тюлячинского района Республики от Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 25 Зап. в июне 2017 года в д. Алга Тюлячинского района Республики Татарстан от Волковой Галины Васильевны, 1961 г. р., Залялиевой Раисы Алексеевны, 1961 г. р.
- 26 Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Васильевой Анны Лазаровны, 1951 г. р., Кузьминой Анны Петровны, 1948 г. р., Бадьячевой Анны Петровны, 1942 г. р., Павловой Зои Ивановны, 1952 г. р., Семёновой Елены Петровны, 1975 г. р., Ивановой Марии Ильиничны, 1975 г. р., Мироновой Веры Ивановны, 1964 г. р., Петровой Лидии Ильиничны, 1971 г. р., Романовой Татьяны Алексеевны, 1969 г. р., Капитоновой Марии Николаевны, 1953 г. р., Миронова Владимира Леонтьевича, 1959 г. р., Чернова Петра Александровича, 1961 г. р.
- 27 Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретяки Тюлячинского района Республики от Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 28 Зап. в июне 2017 года в д. Алга Тюлячинского района Республики Татарстан от Марьясовой Валентины Петровны, 1936 г. р.
- 29 Зап. в июне 2017 года в д. Старый Карабаян Тюлячинского района Республики Татарстан от Демидовой Анны Петровны, 1949 г. р.
- 30 Например, каталог ритмических клише, составленных Н. Ю. Альмеевой на материале заинско-шешминской локальной традиции кряшен (бассейны рек Зай и Шешма, Закамье Республики Татарстан), включает в себя 30 составляющих (см.: [3. С. 161–162]).
- 31 Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 32 Зап. в июне 2017 года в д. Старый Карабаян Тюлячинского района Республики Татарстан от Киселёвой Дарьи Ивановны, 1954 г. р., Демидовой Анны Петровны, 1949 г. р., Демидовой Марии Михайловны, 1939 г. р., Воробьёвой Валентины Максимовны, 1955 г. р.
- 33 Зап. в июне 2017 года в д. Тямти Тюлячинского района Республики Татарстан от Ивановой Марии Степановны, 1939 г. р.
- 34 Зап. в июне 2017 года в д. Тямти Тюлячинского района Республики Татарстан от Ивановой Марии Степановны, 1939 г. р.
- 35 Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 36 Зап. в июне 2017 года в д. Тямти Тюлячинского района Республики Татарстан от Ивановой Марии Степановны, 1939 г. р.
- 37 Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- 38 Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Васильевой Анны Лазаровны, 1951 г. р., Кузьминой Анны Петровны, 1948 г. р., Бадьячевой Анны Петровны, 1942 г. р., Павловой Зои Ивановны, 1952 г. р., Семёновой Елены Петровны, 1975 г. р., Ивановой Марии Ильиничны, 1975 г. р., Мироновой Веры Ивановны, 1964 г. р., Петровой Лидии Ильиничны, 1971 г. р., Романовой Татьяны Алексеевны, 1969 г. р., Капитоновой Марии Николаевны, 1953 г. р., Миронова Владимира Леонтьевича, 1959 г. р., Чернова Петра Александровича, 1961 г. р.

- ³⁹ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Максимовой Ксении Александровны, 1933 г. р.
- ⁴⁰ Зап. в июне 2017 года в д. Старый Карабаян Тюлячинского района Республики Татарстан от Киселёвой Дарьи Ивановны, 1954 г. р., Демидовой Анны Петровны, 1949 г. р., Демидовой Марии Михайловны, 1939 г. р., Воробьёвой Валентины Максимовны, 1955 г. р.
- ⁴¹ Зап. в июне 2017 года в д. Старый Карабаян Тюлячинского района Республики Татарстан от Киселёвой Дарьи Ивановны, 1954 г. р., Демидовой Анны Петровны, 1949 г. р., Демидовой Марии Михайловны, 1939 г. р., Воробьёвой Валентины Максимовны, 1955 г. р.
- ⁴² Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Бадьячевой Анны Петровны, 1942 г. р., Васильевой Анны Лазаровны, 1951 г. р.
- ⁴³ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Максимовой Ксении Александровны, 1933 г. р.
- ⁴⁴ Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретьяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- ⁴⁵ Зап. в июне 2017 года в д. Петровский Тюлячинского района Республики Татарстан от Семёновой Юлии Семёновны, 1936 г. р., Семёновой Тамары Александровны, 1946 г. р.
- ⁴⁶ Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретьяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Кирилловой Анны Ильиничны, 1947 г. р.
- ⁴⁷ Зап. в июне 2017 года в д. Алга Тюлячинского района Республики Татарстан от Волковой Галины Васильевны, 1961 г. р., Залялиевой Раисы Алексеевны, 1961 г. р.
- ⁴⁸ Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретьяки Тюлячинского района Республики от Татарстан от Петровой Марии Васильевны, 1937 г. р.
- ⁴⁹ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Максимовой Ксении Александровны, 1933 г. р.
- ⁵⁰ Зап. в июне 2017 года в д. Субаш Тюлячинского района Республики Татарстан от Васильевой Анны Лазаровны, 1951 г. р., Кузьминой Анны Петровны, 1948 г. р., Бадьячевой Анны Петровны, 1942 г. р., Пав-

ловой Зои Ивановны, 1952 г. р., Семёновой Елены Петровны, 1975 г. р., Ивановой Марии Ильиничны, 1975 г. р., Мироновой Веры Ивановны, 1964 г. р., Петровой Лидии Ильиничны, 1971 г. р., Романовой Татьяны Алексеевны, 1969 г. р., Капитоновой Марии Николаевны, 1953 г. р., Миронова Владимира Леонтьевича, 1959 г. р., Чернова Петра Александровича, 1961 г. р.

- ⁵¹ Зап. в июне 2017 года в д. Верхние Меретьяки Тюлячинского района Республики Татарстан от Кирилловой Анны Ильиничны, 1947 г. р.

Список литературы

References

1. *Альмеева Н. Ю.* Песенная культура татар-кряшен: Жанровая система и многоголосие: автореф. дис. ... канд. искусствовед. — Л., 1986. — 18 с. [*Al'meeva N. Iu.* Pesennaia kul'tura tatar-kriashen: Zhanrovaia sistema i mnogogolosie: avtoref. dis. ... kand. iskusstvoved. — L., 1986. — 18 s.].
2. *Альмеева Н. Ю.* К определению жанровой системы и стиливых пластов в песенной традиции татар-кряшен // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья. Вопросы теории и истории: сб. ст. памяти Султана Габяши. — Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. — С. 5–21 [*Al'meeva N. Iu.* K opredeleniiu zhanrovoi sistemy i stilevykh plastov v pesennoi traditsii tatar-kriashen // Traditsionnaia muzyka narodov Povolzh'ia i Priural'ia. Voprosy teorii i istorii: sb. st. pamiati Sultana Gabiashi. — Kazan': IALI im. Ibragimova KFAN SSSR, 1989. — S. 5–21].
3. *Альмеева Н. Ю.* Ритмические клише и мелодическая заменяемость в песнях татар-кряшен // Народная музыка: история и типология: (Памяти профессора Е. В. Гиппиуса, 1903–1985). — Л.: ЛГИТМиК им. Н. К. Черкасова, 1989. — С. 157–165 [*Al'meeva N. Iu.* Ritmicheskie klishe i melodicheskaiia zameniaemost' v pesniakh tatar-kriashen // Narodnaia muzyka: istoriia i tipologiia: (Pamiati professora E. V. Gippiusa, 1903–1985). — L.: LGITMiK im. N. K. Cherkasova, 1989. — S. 157–165].
4. *Альмеева Н. Ю.* Традиция гостевого общения у татар-кряшен // Зрелищно-игровые

- формы народной культуры / Министерство культуры РСФСР. — Л.: ЛГИТМиК им. Н. К. Черкасова, 1990. — С. 180–191. — (Серия «Фольклор и фольклористика») [Al'meeva N. Iu. Traditsiia gostevogo obshcheniia u tatar-kriashen // Zrelishchno-igrovye formy narodnoi kul'tury / Ministerstvo kul'tury RSFSR. — L.: LGITMiK im. N. K. Cherkasova, 1990. — S. 180–191. — (Seriiia «Fol'klor i fol'kloristika»)].
5. *Альмеева Н. Ю.* Календарное пение татар-крышен и его роль в культурологических реконструкциях // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды междунар. конф. (Казань, 9–13 июня, 1992 г.): в 3 т. / АН РТ, отделение гуманитарных наук. — М.: Инсан, 1997. — Т. II. — С. 187–190 [Al'meeva N. Iu. Kalendarnoe penie tatar-kriashen i ego rol' v kul'turologicheskikh rekonstruktsiiax // Iazyki, dukhovnaia kul'tura i istoriia tiurkov: traditsii i sovremennost': trudy mezhdunar. konf. (Kazan', 9–13 iunია, 1992 g.): v 3 t. / AN RT, otdelenie gumanitarnykh nauk. — M.: Insan, 1997. — T. II. — S. 187–190].
  6. *Альмеева Н. Ю.* Гетерофонная фактура (Опыт анализа архаического многоголосного пения татар-крышен) // Судьбы традиционной культуры: сб. ст. и матер. памяти Ларисы Ивлевой. — СПб.: РИИИ, 1998. — С. 195–219 [Al'meeva N. Iu. Geterofonnaia faktura (Opyt analiza arkhaishegogo mnogogolosnogo peniia tatar-kriashen) // Sud'by traditsionnoi kul'tury: sb. st. i mater. pamiati Larisy Ivlevoi. — SPb.: RIII, 1998. — S. 195–219].
  7. *Альмеева Н. Ю.* Песенная традиция пестречинских крышен (бассейн реки Мёши) // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. — С. 81–107 [Al'meeva N. Iu. Pesennaia traditsiia pestrechinskikh kriashen (bassein reki Meshi) // Etnomuzykovedenie Povolzh'ia i Urala v areal'nykh issle-dovaniiax. — Izhevsk: UIIaL UrO RAN, 2002. — S. 81–107].
  8. *Бражник Л. В.* Ангемитоника в модальных и тональных системах: На примере музыки тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. — Казань: Казан. гос. консерватория, 2002. — 283 с. [Brazhnik L. V. Angemitonika v modal'nykh i tonal'nykh sistemakh: Na primere muzyki tiurkskikh i finno-ugorskikh narodov Povolzh'ia i Priural'ia. — Kazan': Kazan. gos. konservatoriia, 2002. — 283 s.].
  9. *Гиршман Я. М.* Пентатоника и её развитие в татарской музыке. — М.: Сов. композитор, 1960. — 180 с. [Girshman Ia. M. Pentatonika i ee razvitie v tatarskoi muzyke. — M.: Sov. kompozitor, 1960. — 180 s.].
  10. *Исхакова-Вамба Р. А.* Татарские народные песни. — М.: Сов. композитор, 1981. — 192 с. [Iskhakova-Vamba R. A. Tatarskie narodnye pesni. — M.: Sov. kompozitor, 1981. — 192 s.].
  11. *Камалова Э. Ф.* Песенная традиция закамских татар-крышен: вопросы звуковысотной организации: дис. ... канд. искусствовед. — Казань, 2017. — 639 с. [Kamalova E. F. Pesennaia traditsiia zakamskikh tatar-kriashen: voprosy zvukovysotnoi organizatsii: dis. ... kand. iskusstvoved. — Kazan', 2017. — 639 s.].
  12. *Кондратьев М. Г.* Звукоряды пентатоники: введение в ладовый анализ чувашской народной песни // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. — Чебоксары: ЧГИГН, 2001. — Вып. 4. — С. 14–41 [Kondrat'ev M. G. Zvukoriady pentatoniki: vvedenie v ladovyi analiz chuvashskoi narodnoi pesni // Chuvashskoe iskusstvo. Voprosy teorii i istorii. — Cheboksary: ChGIGN, 2001. — Vyp. 4. — S. 14–41].
  13. *Нигмедзянов М. Н.* Татарские народные песни. — М.: Сов. композитор, 1970. — 184 с. [Nigmedzianov M. N. Tatarskie narodnye pesni. — M.: Sov. kompozitor, 1970. — 184 s.].
  14. *Нигмедзянов М. Н.* Народные песни волжских татар. — М.: Сов. композитор, 1982. — 136 с. [Nigmedzianov M. N. Narodnye pesni volzhskikh tatar. — M.: Sov. kompozitor, 1982. — 136 s.].
  15. *Нигмедзянов М. Н.* Татарские народные песни / КФАН СССР ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. — 240 с. [Nigmedzianov M. N. Tatarskie narodnye pesni / KFAN SSSR IaLI im. G. Ibragimova. — Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1984. — 240 s.].
  16. Песни татар-крышен: Пестречинская (примешинская) группа / сост.: Н. Ю. Альмеева; под общ. ред. И. И. Земцовского. — СПб., Казань: РИИИ, 2007. — Вып. 1. — 310 с. [Pesni tatar-kriashen: Pestrechinskaia (primeshinskaia) grupa / sost.: N. Iu. Al'meeva; pod obshch. red. I. I. Zemtsovskogo. — SPb., Kazan': RIII, 2007. — Vyp. 1. — 310 s.].
  17. Песни татар-крышен: Молькеевская группа / сост.: Н. Ю. Альмеева; под общ. ред. И. И. Земцовского. — СПб.: РИИИ, 2012. — Вып. 2. — 472 с. [Pesni

- tatar-kriashen: Mol'keevskaia gruppy / sost.: N. Iu. Al'meeva; pod obshch. red. I. I. Zemtsovskogo. — SPb.: RIII, 2012. — Выр. 2. — 472 s.].
18. *Хафизова Л. Р.* Песенная культура чистопольских кряшен (Чистопольский, Алексеевский, Новошешминский районы Республики Татарстан): дипломная работа; Казан. гос. консерватория: науч. рук. Е. М. Смирнова. — Казань: [Рукопись], 2015. — Ч. II — 529 с. [*Khafizova L. R.* Pesennaia kul'tura chistopol'skikh kriashen (Chistopol'skii, Alekseevskii, Novosheshminskii raiony Respubliki Tatar-stan): diplomnaia rabota; Kazan. gos. konservatoriia: nauch. ruk. E. M. Smirnova. — Kazan': [Rukopis'], 2015. — Ch. II — 529 s.].
19. *Нигъмәтҗанов М. Н.* Татар халык җырлары. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. — 216 б. [*Nigmatzhanov M. N.* Tatar khalyk zhurlary. — Kazan: Tatar. kit. nashr., 1976. — 216 b.].